

ЖЕНЩИНАМЪ

Не разъ задумывались мы над судьбою женщины, когда послѣ уѣзднаго затишья очутились вдругъ посреди столичной суеты и шума. И взлелѣянные поколѣніями красавицы, и заплеванные, опозоренныя камелии, и многочитающія умницы, - все имѣло тогда для насъ, съ непривычки, какой-то грустный отбѣнокъ. Вотъ онъ гдѣ, женскій-то вопросъ, на самомъ корню... О приложеніи всѣхъ вопросовъ, затронутыхъ перомъ и властію, можно еще судить въ провинціи; о современномъ рѣшеніи одного только женскаго вопроса, сколько ни читай, не составишь тамъ точнаго понятія. Столица пользуется въ этомъ отношеніи неоспоримымъ преимуществомъ; только тутъ женщины массаами и искренно выступаютъ изъ своего пассивнаго положенія и отказываются отъ

второстепенныхъ ролей. Не о всѣхъ конечно жительницахъ Петербурга и Москвы мы говоримъ это; благодаря оупляющему дѣйствию моды и роскоши, въ столицѣ легко думающихъ, легко живущихъ и легко одѣвающихся изъ женскаго пола сравнительно пожалуй еще болѣе, чѣмъ въ провинціи; въ провинціи со скуки даже и франтихи кое-что читають, въ столицѣ-же онѣ специально франтятъ и развлекаются. Но за то здѣсь больше и такихъ, которыя не только читають, но и проводятъ въ жизнь читанное. Объ этихъ-то женщинахъ, затронутыхъ литературой и чреватыхъ современными идеями, мы и думаемъ поговорить. Безъ уваженія къ нимъ конечно отнестись нельзя: онѣ, какъ-бы то ни было, первыя увѣровали, что цѣлая прекраснѣйшая половина челоѣчества должна быть не только украшеніемъ, но и членомъ общества. Съ тою рыцарскою вѣжливостію, съ тѣмъ восторженнымъ подобострастіемъ, съ какимъ разсуждають о нихъ нѣкоторые гулящіе повѣствователи и полувлюбленные публицисты, мы тоже не

думаемъ относиться. Онѣ еще безъ сомнѣнія начинаютъ только набираться духу; основательно и разносторонне-образованныя женщины могутъ у насъ считаться чуть-ли не знаменитостями; многія еще только притворяются умными и знающими или только на время могутъ казаться такими. Нѣкоторыя-же дѣйствительно вѣрують, что онѣ умницы, но очень ошибаются. Есть конечно и блестящія исключенія, и даже не мало, но все-таки лесть эмансипаторовъ слишкомъ преувеличиваетъ мнѣніе о готовности женщинъ на всякое дѣло: готовность эта безъ всякихъ слѣдовъ самостоятельности. Этимъ только и можно объяснить податливость ихъ ко всему, на что-бы ни уговаривали ихъ благодѣтели женскаго пола. Податливость нашихъ новыхъ женщинъ въ этомъ отношеніи несравнима ни съ чѣмъ. Никакой юноша, начинающій знакомиться съ наукой и жизнью, не можетъ относиться къ предлагаемымъ ему идеямъ съ такимъ беззавѣтнымъ довѣріемъ, съ такимъ отсутствіемъ критики, съ какими

относится часто самая образованная женщина къ совѣтамъ заботящихся объ ея участи эмансипаторовъ.

Говорять напริมѣръ ей, что она должна жить безъ предразсудковъ - и она живетъ. И чтоже? Послѣ оказывается, что предразсудки тоже заключаются ни болѣе ни менѣе, какъ въ типическихъ особенностяхъ женской природы¹. Женщина отнюдь не должна трусить въ любви; но трусливость съ слезами и стыдливость съ прихотями есть свойства, зависящія не отъ воспитанія или привычки, а отъ того, что женщинѣ дѣйствительно есть чего трусить, есть о чемъ плакать и есть кого стыдиться. Стыдливость есть обратная сторона страстности; слезливость-же, капризы и истерика, суть такія слабости, которыя зависятъ отъ того, природа дала ей лишній органъ и лишнія болѣзни. Что-же касается до трусости въ любви, то какже ей не трусить, когда у ней наслажденіе и мука такъ неразрывно связаны. Женщина положительно несчастливѣйшее существо,

---

¹ Да и то, что она уже такъ скоро и беззавѣтно готова вѣровать все то, чтѣ ей скажутъ, есть уже - само по себѣ - предразсудокъ.

чѣмъ мужчина; по крайней мѣрѣ она была такою до сихъ поръ. Раба, быть можетъ, такъ не эксплуатировали и не позорили, какъ женщину; эксплуатація любви и чести женской самая страшная изъ всѣхъ эксплуатацій, совершенныхъ исторически живущимъ мужчиной. Даже и теперь это положеніе мало измѣнилось. Любящій обыкновенно думаетъ о глубинѣ чувства, о силѣ страсти, о первыхъ дняхъ блаженства; все-же прочее, какъ на примѣръ тяжесть беременности, презрѣніе общества, адскія муки родовъ и несчастное затѣмъ материнство, - оставляетъ безъ вниманія. Всякаго задумывающагося надъ такимъ положеніемъ мужчины-побойчѣ называютъ даже тряпкой; несчастныя послѣдствія оправдываютъ необходимостію природы. Случаи эти составляютъ неистощимыя темы для повѣстей. Авторы-же, одаренные сильнымъ половымъ влеченіемъ, больше ни о чемъ и не пишутъ; а критики нѣкоторые даже допускаютъ въ любви обманъ. И это такъ, и въ книгахъ и въ жизни мы видимъ очень порядочныхъ людей, которые, днемъ

пожимая руки мужей, ночью обнимаютъ ихъ-же жонъ. Все это пожалуй забавно, интересно, а иногда даже и выгодно обращать семейные дома въ дома любви, но нечестно. Семейное счастье и безъ того виситъ на одной ниточкѣ и его считаютъ чуть-ли не за идиллію, постоянство называется романтизмомъ, а вѣтренность - реализмомъ; между тѣмъ какъ серьезное жизненное обсужденіе приводитъ со всѣмъ къ другому: влюбляться всю жизнь значитъ не любить никогда, и стремленіе къ разнообразію въ любви почти равняется желанію многожонства; потому что мужчина, бросающій по выбору платокъ то одной, то другой, почти столь-же парализируетъ дѣятельность женщины, какъ и восточный тиранъ.

Что больше задерживало женщину въ ея развитіи - мужская-ли палка или мужская ласка, - трудно рѣшить (последнюю пусть не смѣшиваютъ съ палкой родительской); кажется, что ласка мужчины была ядовитѣе. Семейство было для женщины - монастырь, въ который она запиралась отъ

общества. Новѣйшія женщины, правда, вышли въ гостиную, но это еще шагъ небольшой. Нѣкоторые рѣдкіе случаи, выдвигавшіе женщинъ на историческую дѣятельность, не могутъ служить примѣромъ; даже женщины французской революціи не идутъ сюда; въ революціи не только женщины, но и рабы отступаютъ отъ своихъ ролей. Какая-же причина этой второстепенности женскаго положенія? - Проституція. Въ древнемъ мірѣ, можно сказать, не было проституціи въ ограниченномъ, опредѣленномъ обычаемъ размѣрѣ; женщины всѣ тогда были проституированы. Мужчина, взявшись содержать женщину, какъ-бы купилъ ее у общества. Она сдѣлалась ниже всякаго пролетарія. Торговля неграми начинается прекращаться, но торговля женщинами еще продолжается. Сколько силы, таланта черезъ это загублено; мозгъ даже изсохъ, уменьшился; у женщины онъ меньше, говорятъ ученые. Но онъ выростетъ, разовьется; будущность у женщины великая!

Первое слово защиты, какъ за падшую женщину, такъ и за голоднаго пролетарія, произнесъ Христосъ, съ этимъ и атеисты согласятся. Въ одной изъ академическихъ картинъ графа Кушелева-Безбородко есть замѣчательное выраженіе этой евангельской идеи. Къ Иисусу приводятъ падшую и развращонную красавицу. Одинъ изъ блюстителей благонравія, жалуясь на нее, хочетъ нанести ей оскорбленіе; Спаситель повелительнымъ жестомъ руки удерживаетъ его и говоритъ конечно при этомъ свое новое слово о женщинѣ; на окружающихъ лицахъ выражается такое безконечное изумленіе, что кажется слышишь и самую рѣчь. Но великое слово о неизмѣнномъ спутникѣ нашей жизни, объ этомъ другѣ, въ которомъ всѣ и можетъ быть единственныя наши радости, - еще долго не осуществлялось. Бракъ съ его неразрывностью хоть и улучшилъ немного положеніе одной половины женщинъ, за то другую поставилъ въ болѣе ужасное: отъ нихъ отгородились какъ отъ зачумленныхъ. Средневѣковые рыцари мало измѣнили это

положеніе: они только доказали возможность чувства любви, но страсть у нихъ шла независимо, сама по себѣ. Такъ это и продолжалось чуть-ли не до язычника Гёте. Однажды, рассказываетъ поэтъ, индійскій богъ, прогуливаясь по городу, замѣтилъ у окна баядерку, смотрѣвшую на улицу также вѣроятно не весело, какъ онѣ и теперь смотрять. Богу вздумалось зайти; баядерка, пораженная красотой, влюбляется и это преображаетъ ее: она передъ нимъ и танцуетъ, и плачетъ, и ласкается. Индійское божество тоже тронуту и снисходитъ до того, что рѣшается доставить ей божественное наслажденіе, какъ выразался Магометъ. Утромъ проснувшись баядерка видитъ вдругъ его мертваго въ своихъ объятіяхъ. Съ воплемъ тащитъ его на костеръ и сама хочетъ съ нимъ сгорѣть какъ жена; но брамины не допускаютъ. Богъ-же... поднявшись изъ пламени, уноситъ ее на небо. Лучше, поэтичнѣе нельзя выразить снисхожденія къ падшей женщинѣ. Но Гёте совѣтовалъ не только снисходить къ падшей женщинѣ,

онъ предостерегалъ также, чтобы мущины ее и не роняли. - Не рви этой душистой гвоздики, которая такъ роскошно цвѣтетъ въ лѣсу, а если она тебѣ нравится, возьми съ корнемъ и пересади къ себѣ. Такъ можно перефразировать одно изъ его стихотвореній. - Хочешь-ли, юноша, я научу тебя любить? восклицаетъ поэтъ въ порывѣ своего нравственно-эстетическаго авторитета, и авторитетъ его въ этомъ смыслѣ былъ великъ. Гётевская Маргарита какъ будто робщетъ на эгоизмъ и чувственность мущины: нигдѣ трагизмъ паденія не былъ изображёнъ съ болѣе потрясающей силой. Какъ неосновательны кажутся намъ слова людей, радующихся, что нашли великаго человѣка пятнышко, и не замѣчающихъ на себѣ безобразной бородавки. Гёте хромалъ на аристокритизмъ, но былъ реальнѣе всѣхъ нашихъ реалистовъ. На что храбры, и они наконецъ струсили и, разсмотрѣвши немного этого гиганта, поняли, что говорятъ великія глупости.

Въ послѣднемъ столѣтіи вопросъ женскій не остался уже безплоднымъ. Женщины сами заговорили о себѣ, и громче всѣхъ француженки - сперва Сталь, потомъ Жоржъ-Зандъ. Мнѣнія послѣдней особенно важны, хоть и не во всѣхъ отношеніяхъ истинны. Жоржъ-Зандъ былъ геніальный беллетристъ. Художникомъ въ строгомъ смыслѣ ее нельзя назвать; художники болѣе обрабатываютъ, болѣе отдѣлываютъ, болѣе обдумываютъ свои сочиненія; беллетристы-же обыкновенно пишутъ на скорую руку; многое у нихъ остается неоконченнымъ, недорисованнымъ и недодуманнымъ. Плодовитость есть конечно признакъ таланта, но только беллетрическаго таланта, идущаго въ ширину, а не въ глубину. Жоржъ-Зандъ сама жалуется въ предисловіяхъ къ своимъ романамъ, что они остаются недодѣланными, благодаря просьбамъ и жадности французскихъ редакторовъ. Это-то многописаніе геніальной романистки и отняло у нея возможность высказать настоящимъ образомъ протестъ отъ лица

женщинъ; ктому-же она заимствовала свое учение частью отъ социалистовъ, а у нихъ это мѣсто самое слабое. Весь смыслъ Жоржъ-Зандовскихъ романовъ можно выразить такъ: мы женщины видимъ, что мущина пользуется самой безграничной свободой въ любви; холостая жизнь не налагаетъ на него обязанностей, бракъ тоже мало стѣсняетъ и нѣтъ такого промаха въ любви, который-бы могъ опозорить, уронить мущину. Если вы такъ поступаете, то почему-же и мы не можемъ; у насъ тоже есть страсть, самообладанія меньше, а дѣла въ общественной жизни почти никакого. Все это въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо, но нелогично; оправдываетъ самымъ лучшимъ образомъ промахи отдѣльныхъ лицъ, сдѣлавшихся несчастными въ семьѣ, но не указываетъ цѣли въ жизни женщинъ. У женщинъ если есть еще что теперь, то это конечно нравственное начало. Умственно онѣ ниже насъ, но нравственно онѣ естественно должны быть развитѣе. Логично-ли отнимать ихъ лучшее достояніе? Если

Жоржъ-Зандъ замѣтила что женщина ограничила свои половыя влеченія, а мужчина нѣтъ, то изъ этого скорѣе можно вывести не право увеличенія свободы женщинъ въ любви, а требованіе уменьшенія ея со стороны мужчинъ. Мы воздерживаемся и вы будьте воздержны, сказать-бы должны были женщины. Только тогда оба пола по всѣмъ родамъ дѣятельности пойдутъ рука объ руку, безъ всякой помѣхи другъ другу. Хотите, чтобъ женщина трудилась, работала, не мѣшайте ей, не будьте ловеласами. Удержи, господа, удержи намъ по больше нужно! Тогда только женщина примется за дѣло; объяснить-же слово эмансипація словомъ «сипондрияція», значитъ покровительствовать проституціи. Въ этомъ смыслѣ, съ точки зрѣнія дѣятельности женщинъ, вопросъ о любви въ высшей степени важенъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не рѣшится съ настоящей ясностью, нечего и думать о серьезномъ приѣмѣ женщинъ за трудъ. Даже университетское слушаніе лекцій считаемъ мы для женщинъ

совершенно бесполезнымъ при настоящемъ настроеніи, при теперешнихъ отношеніяхъ обоихъ половъ. Страстное влеченіе другъ къ другу, несдерживаемое ни съ одной, ни съ другой стороны, послужить только помѣхой обѣимъ половинамъ при серьезныхъ занятіяхъ.

Насъ конечно назовутъ за это отсталыми консерваторами; да пусть, особенно если мы сохраняемъ хорошее. Но ужъ ни за что мы не хотимъ быть «засиживающими идеи» прогрессистами, которые компрометируютъ это имя и, стремясь въ даль будущаго, такъ далеко заходятъ, что отрываются отъ дѣйствительности. Прогрессъ не бѣготня и тоже не рубка съ плеча всего, что ни попало подъ руку. Самый узкій консерватизмъ, съ яростію отстаивающій всякую дребедень, не подвергается такой отвѣтственности, какъ прогрессистъ, предлагающій, вмѣсто новаго, обломки неблагоприятно разбитыхъ имъ собственныхъ влеченій и плодотворныхъ идей. Живыя плодотворныя идеи не вырабатываются скоро, а поколѣніями;

зачѣмъ-же быть такъ небережливыми. Англичане вонъ доходятъ до крайности, до скупости въ этомъ отношеніи; выжимаютъ прежде все до капельки изъ доставшагося имъ наслѣдства отъ предковъ, да потомъ ужъ и шагають. Если задняя нога твердо ступила, то и шагъ будетъ вѣренъ и размахъ ноги великъ. А у насъ-такъ вотъ все дѣйствуютъ врозь, въ раздробь, скачками; во всемъ суета и тревога.

Связывая это неутѣшительное явленіе съ «женскимъ вопросомъ», мы удивляемся, какъ это прогрессисты наши не замѣчаютъ того опаснаго скользкаго положенія, въ которомъ теперь находится женщина. Куда ни пойдетъ она, на что ни взглянетъ, чѣмъ ни займется, вездѣ она въ какомъ-то двусмысленномъ положеніи, особенно въ столицѣ.

Если въ дѣлѣ науки и искусства мы не угнались за западной Европой, то за-то въ умѣньи ронять женщину стали кажется совершенно съ нею въ уровень. Къ темному разврату невѣжества присоединили мы развратъ иллюминированный, задающій пиры

и балы. Сегодня въ девять часовъ танцевальный вечеръ - гласить почти на каждой улицѣ надпись, означающая мѣсто публичныхъ баловъ. И въ теперешнюю ночную пору не одинъ конечно красный какъ кровь фонарь или блестящая какъ на свадьбѣ иллюминація украшаютъ эти мѣста. Провинціалы и понятія не имѣютъ о той роскоши, съ какою украшаются эти вакханаліи, откуда полицейскій служитель можетъ васъ увести въ часть, а танцующая красотка къ себѣ въ гости. Да не подумаютъ провинціалы, для которыхъ собственно мы и предаемъ гласности этотъ фактъ (здѣсь ему никто ужъ не удивляется), чтобы туда ходили одни записные гуляки; нѣтъ, тамъ бываютъ и люди чиновные и люди учоные. А жизнь все ждетъ своихъ дѣятелей, а наука - служителей; силы тратятся, женщина падаетъ все ниже и ниже... Проходили мы разъ послѣ одного такого вечера мимо университета и другихъ заведеній науки, тянувшихся по берегу Невы. Университетъ былъ особенно темень. Хоть-бы одно

окошечко было освѣщено. Что это? Храмъ или спальня науки? Хотя и странно было съ нашей сторонѣ желать, чтобы учебныя заведенія были освѣщены по ночамъ; но не странно, въ качествѣ бывшаго студента, какъ-бы завидовать сравнительно обеспеченному состоянію этихъ кафешантановъ передъ университетами. Какой это благодѣтельный геній носится надъ этими увеселяющими и оупляющими заведеніями, думали мы, смотря на холодную Неву, въ которой отражались сотни блестящихъ фонарей. - Со-временемъ быть можетъ они еще болѣе усовершенствуются; обзаведутся книгами, газетами, такъ какъ сдѣлали это кондитерскія, трактиры; танцующіе будутъ разсуждать о разныхъ вопросахъ, а женскій быть можетъ и совсѣмъ порѣшать.

Когда-же женщина выдетъ изъ своего тяжолаго положенія? Кажется еще не скоро. Второпяхъ высказанные совѣты нашихъ публицистовъ сильно ее спутали. Къ этому присоединилась еще лесть, которая хоть и не была выраженіемъ

уваженія, чѣмъ она никогда не бываетъ, но на женщину подѣйствовала: женщины любятъ комплименты. Отвѣтъ на вопросъ романа о женщинахъ «Что дѣлать» былъ совершенно неудаченъ. Безграничная свобода любви тамъ поставлена условіемъ женскаго труда; тогда какъ она есть только условіе помѣхи: свобода любви безъ границъ равна проституціи. Другого опредѣленія проституціи мы не понимаемъ. Въ нравоучительномъ и какъ-бы на-чернѣ написанномъ романѣ «Что дѣлать» изображено хорошо только одно - это картина развращенія благородной женской природы хитрыми теоретическими умствованіями. Лопуховъ, замѣчая, что жена его и пріятель начинаютъ другъ отъ друга сторониться, сердится; онъ и знать не хочетъ, что они быть можетъ имѣютъ къ тому причины и почти насильно приводитъ товарища къ женѣ; та, вѣроятно соскучившись механическимъ трудомъ мастерскихъ, предается умственному развлеченію съ влюбленнымъ въ нее Кирсановымъ. Послѣдній наконецъ не

выдерживаетъ и снова ретируется; Лопуховъ взбѣшонъ и, послѣ продолжительныхъ преній, опять привлекаетъ пріятеля, ревнуя и проклиная его въ душѣ. О чемъ, скажите, человѣкъ хлопочетъ, изъ-за чего подвергаетъ себя нравственному самоистязанію? Любовный фокусъ этотъ продолжается конечно недолго. Въ одно прекрасное утро Вѣра говоритъ мужу: «миленькій, я тебя теперь люблю болѣе, чѣмъ когда жизнию готова пожертвовать; но жить безъ него не могу.» Значить, она любитъ и того и другого. Лопуховъ, какъ современный рыцарь, уѣзжаетъ. Вѣра одна; но чувство долга и вѣроятно еще неостывшая привязанность къ мужу не позволяютъ ей броситься въ объятія къ Кирсанову. Для этого понадобился Рахметовъ, котораго и подпускаетъ заботливый мужъ. Что такое Рахметовъ? Это трудно опредѣлить. Это какой-то кабинетный миѳъ, путешествующій также легко по факультетамъ, какъ и по Европѣ; работающій до изнеможенія съ бурлаками и лежащій на гвоздяхъ для

отдыха; читающій 82 часа сряду, что очень правдоподобно, и выпивающій 8 стакановъ крѣпчайшаго кофе, что совершенно невѣроятно; неосвѣжающій своихъ силъ любовью женщины и имѣющій только одну слабость - хорошія сигары. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Рахметовъ вполне сходится съ г. Писаревымъ, который, какъ кажется, занимаетъ какъ разъ средину между Рахметовымъ и Базаровымъ. И вотъ этотъ-то Рахметовъ, говорящій о реальности (опять сходство съ г. Писаревымъ), является къ Вѣрѣ съ великолѣпно-рѣзкими фразами; проповѣдуетъ, что ревность есть явленіе гнусное, фальшивое, - явленіе изъ того порядка вещей, по которому мы не даемъ другимъ носить своего бѣлья или курить изъ своего мундштука, - явленіе, зависящее отъ взгляда на женщину какъ на собственность и т. д. А намъ кажется, что это на оборотъ: такой взглядъ скорѣй совпадаетъ съ готовностью уступить жену другому чуть-ли не какъ вещь. Мужъ не таъ легко уступилъ бы жену, еслибъ

смотримъ на нее не какъ на вещь, а съ любовью, да еще уважалъ-бы свою любовь. Жена не бѣлье, которое можно давать носить и не мундштукъ, изъ котораго легко позволить другимъ курить. Она есть какъ-бы часть нашего существа, какъ и мы ея часть. Женщину другой разъ труднѣе уступить, чѣмъ отрѣзать палецъ, - и головы слетаютъ совсѣмъ и умъ теряется изъ-за этихъ бѣдовыхъ женщинъ. Чувство долга въ такихъ особенныхъ случаяхъ всегда заставляетъ вполнѣ гуманнаго человѣка быть какъ можно осторожнѣе и рѣшаться на разрывъ не легкомысленно. Чувство долга, заставлявшаго сдерживаться Вѣру, есть не призракъ, какъ думаютъ эгоисты, а нравственно-эстетическая потребность къ благороднымъ поступкамъ; мы должны, мы обязаны людямъ! Эгоистическое я ограничивается общечеловѣческимъ мы; и самое первое, самое близкое ограниченіе нашего я есть женщина. Въ обоюдной любви мужчины и женщины сливаются и эгоизмъ, и гуманизмъ, и чувство долга, и чувство наслажденія. Мы-бы сказали, что

авторъ показаль большое знаніе
человѣческаго сердца, не давши своей
героини уступить вдругъ потоку
рахметовскихъ фразъ, а заставивъ ее долго
бороться, еслибъ не были увѣрены, что онъ
хотѣль только показать да какой степени
даже лучшія существа бываютъ
ретроградны отъ врожденныхъ
предразсудковъ. Когда Рахметовъ
изложилъ свою теорію ревности, Вѣра
говорить, что это безнравственно!
Рахметовъ разумѣется не унываетъ. «Если
у васъ есть фантазія, говоритъ онъ, или
болѣзненная потребность обѣдать два раза,
ужели вы станете удерживать себя изъ
опасенія огорчать кого-нибудь и не
побойтесь выпачкать рукъ, хватая куски
второпяхъ. (Обѣдать два раза ненормально
и это дѣлають только обжоры)... Изъ-за
такихъ пустяковъ вы подымаете такой
страшный шумъ... Вы-бы могли
преспокойно жить всѣ трое на одной
квартирѣ и вмѣстѣ пить чай. (Хорошъ
чай!).. Выпейте-же рюмку хересу и
ложитесь спать.» Разумѣется послѣ хересу

да послѣ такихъ бесѣдъ Вѣра мало по малу уступила и отправилась къ Лопухову. Рахметовъ хлопоталъ тоже не о себѣ. Дальнѣйшая исторія Вѣры представляется въ розовомъ идиллическомъ видѣ; но это невѣроятно. Самый естественный исходъ этой траги-комедіи есть любовь ея къ Рахметову и жизнь сообща съ нимъ, съ Кирсановымъ и съ своимъ первымъ мужемъ.

Остается еще намъ сказать о изобрѣтенныхъ авторомъ швейныхъ мастерскихъ. Эта механическая работа женщины на новый ладъ кажется намъ новымъ виномъ, влитымъ въ старые мѣхи. Молодое вино разорветъ мѣхи и вино разольется. Механическій трудъ не можетъ удовлетворить женщину нашего круга, женщины-же простолюдинки и безъ насъ умѣютъ работать. Образованной женщинѣ нужна болѣе широкая дорога, которую и не нужно загораживать или засорять иглками, нитками, тамбурными крючками и тамбурнымъ вязаньемъ. У женщины и безъ того игла какъ-бы приросла къ рукѣ и сама

она часто обращается въ живую машину съ однимъ только стремленіемъ руководѣльничать. Шить, вмѣсто того чтобы учиться и потомъ учить, переплетать книги, вмѣсто того чтобы читать ихъ, - плохое средство и небольшой кусокъ хлѣба. Ремесленныя мастерскія, въ томъ видѣ какъ онѣ изображены въ романѣ, могутъ только вырывать женщину изъ семьи, лишать ее уединенія, а поэтому и самостоятельнаго развитія; и наконецъ, что всего хуже, мастерскія эти могутъ служить къ эксплуатаціи женской любви и чести; въ такихъ мастерскихъ мушны легко явятся помощниками. Поэтому «Что дѣлать» имѣетъ одинъ только результатъ и результатъ неожиданный для автора - безобразить женщину. У отрицателей искусства стремленіе это хоть и безсознательно, но вполне логично: если они не признаютъ красоты въ жизни, какже они могутъ цѣнить и уважать красоту въ женщинѣ?

Женщина должна быть непременно хороша если не физически, то нравственно.

Какъ мы въ ней ищемъ красоты и граціи, такъ и она въ насъ силы и мысли; если-бы нашему брату удалось когда-нибудь уничтожить все изящное, все поэтическое, все свѣтлое въ жизни, то женщина-бы опять воскресила все это своимъ присутствіемъ, - потому что она есть первообразъ красоты.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

1 января 1865 г.
